

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Модусы социокультурного развития

**СВОБОДА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ЭССЕ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ**

В.Е. СЕМЕНОВ

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮУ), Москва, Россия*

Аннотация

В статье осуществляется попытка эксплицировать философские основания и критерии правового прогресса. Автор полагает, что правовой прогресс – это, в первую очередь, существенное и перманентное возрастание степени морально-правовой свободы и справедливости на основе ценностей права, регулятивных и конститутивных норм при помощи юридических агентов, инструментов и процедур, а также расширение социальных полей потенциальных возможностей, в которых как раз воплощаются и пересекаются свобода и справедливость. Возрастные как уровня свободы, так и уровня справедливости в значительной степени осуществляется правовым (законодательным) путем. Итак: если мы, руководствуясь ценностями свободы и справедливости, закладываем в нормативную базу общества (и прежде всего – в закон) конкретные императивы свободы и справедливости, то вот здесь как раз и возникает мультипликационный эффект – свобода и справедливость в нормах (законе) порождают свободу и справедливость в возможностях, а последние расширяют вновь нормативную базу свободы и справедливости. В таком случае правовой прогресс выглядит как совокупность законодательных действий, которые повышают уровень свободы и справедливости. Стало быть, возрастание уровней (или степени, объема) свободы и справедливости, расширение всей совокупности потенциальных возможностей – таковы главные философские критерии для оценки правовой реальности.

Ключевые слова: моральный прогресс, правовой прогресс, фундаментальные ценности свободы и справедливости, потенциальные возможности, элиминация этатистского позитивизма.

Семенов Валерий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮУ).

vesemenov7@mail.ru

Цитирование: СЕМЕНОВ В.Е. (2017) Свобода и потенциальные возможности. Эссе о правовом прогрессе // Философские науки. 2017. № 10. С. 95–119.

В попытке определить *философские* (социально-философские) основания и критерии правового прогресса я вынужденно начну с чего-то общеизвестного и даже тривиального, однако в данном случае исходного и необходимого.

Еще в XVII в. Томас Гоббс сформулировал одну из наиболее значимых социально-философских проблем, а именно — *проблему социального порядка*, поставив сакраментальный вопрос: «Как возможно общество?».

Люди от рождения обладают равными естественными правами, однако природный эгоизм, а также неистребимое соперничество, взаимное недоверие и жажда славы неизбежно приводят человеческое сообщество едва ли не к тотальной войне. Именно таковым представляется Гоббсу естественное состояние человечества. Однако сложившееся положение совершенно нетерпимо! Нельзя же постоянно и со всеми воевать! Каким же образом можно прекратить это извечное состояние *bellum omnium contra omnes*?

Войны, как представлялось, можно избежать только путем (а) соглашения (договора) всех взаимодействующих индивидов между собою или же (b) подчинения некоему искусственному сверх-Субъекту, т.е. через вынужденное создание и признание многоголового Левиафана и установление тем самым принуждения и общественного порядка. С такой исторической схемой возникновения государства согласны многие политические философы — от Томаса Гоббса до Роберта Нозика.

Необходимость формирования социального порядка непосредственно диктуется социальной же природой и сущностью человека. Коль скоро человек, как «существо общественное» по своей натуре, вынужден и желает постоянно взаимодействовать с другими людьми, то насущной его потребностью является принятие единой и легитимной системы норм действия и поведения, так сказать, общих для всех «правил игры», подчиняясь которым человечество — весьма и весьма неприглядное с моральной точки зрения (*homo homini lupus est!*) — прекратит *bellum omnium contra omnes* и установит относительно сносное и взаимотерпимое существование. Именно таким образом люди смогут перейти от естественного состояния, невозможного для человеческого бытия, к гражданскому, или социальному, которое уже регулируется как ценностями и нормами, так и государственным принуждением. Стало быть, наконец-то «*the war is over*».

Социальное как таковое и социальный порядок

Феномен *социального как такового*, о природе которого любопытно было Гоббс, возникает лишь как результат весьма сложного и не до конца еще проясненного *синтеза* двух главных факторов: (а) *сознания* личностей и (б) *взаимодействия* индивидов. При этом *социальное* выказывает себя ничем иным, как сущностью общественной жизни самой по себе.

Ближайшим и непосредственным основанием *социального* являются *экспектации* (ожидания), которыми люди руководствуются при совершении того или иного социального действия, рассчитывая, как шахматисты, наперед, какую именно ответную реакцию следует ожидать от человека (прежде всего) определенного социального статуса, а также обладающего известной психической конституцией, моральными установками и т.д. Иначе говоря, человек действует и одновременно *ожидает* (1), что другие люди *ожидают* (2) от него определенного действия и готовы отреагировать на его исходное действие таким образом, как *ожидает* (3) сам человек. Вот это социально-психологическое состояние — «ожидание ожидания ожидания» — Макс Вебер назвал в свое время сущностью как самих *экспектаций*, так и социальной жизни вообще.

Таким образом, связность и взаимная сопряженность *экспектаций* как своего рода форм общественного согласия и взаимных обязательств людей друг перед другом, а также опережающее прогнозирование целой совокупности возможных социальных действий создают трудноуловимый (на первый взгляд) *феномен социального как такового*.

Возникшая сеть взаимных социальных *экспектаций* делает возможной общественную жизнь как таковую, ибо представляет собою основание социального порядка. В таком случае искомый *социальный порядок* можно определить как, во-первых, вполне устойчивую предсказуемость и даже прогнозируемость социальных действий и, во-вторых, как надежное и стабильное положение индивида в окружении себе подобных на основе предсказуемости действий и прогнозируемости жизни. Тогда с полным основанием можно сказать, что *социальный порядок* — это и есть общество.

Однако социальные *экспектации*, как я уже отмечал, являются лишь *ближайшим и непосредственным* основанием социального порядка, а, значит, и социальной жизни. Фундирующим основанием *экспектаций* являются социальные (в первую очередь — моральные) *ценности*, а также из них вытекающие, ими обусловленные *нормы*. Стало быть, и вся калейдоскопически изменчивая социальная жизнь, и социальный порядок как таковой строятся на социальных цен-

ностях и нормах как на самом глубоком, устойчивом («гранитном») фундаменте.

Ценности представляют собою наиболее общие, универсальные и регулятивные идеи разума. В свою очередь из ценностей вытекают конкретные нормы, которые *непосредственно* конституируют всю социальную жизнь. Таким образом, юридические нормы (в виде, скажем, конкретных статей определенного закона), в числе огромной совокупности других норм, лежат в основании как социального порядка, так и всей социальной жизни.

Поскольку речь зашла о взаимосвязи социального порядка, социальной жизни, с одной стороны, и их регулятивов — ценностей и норм, — с другой, то, стало быть, можно уже говорить об изменениях в общественной жизни в целом, т.е. о социальном прогрессе (или регрессе).

Основания для экспликации критериев прогресса

Совершенно очевидно, что как социальный порядок, так и прогресс ни в каких своих аспектах невозможны без *морального* (прежде всего!), а затем и *правового* порядка и прогресса. С этим заявлением я сразу же вступаю в зыбучие пески определения сущности и критериев прогресса как такового.

Зададимся вопросом: что такое социальный прогресс и как можно подойти к определению его критериев? В самом общем и абстрактном виде прогресс как таковой принято определять в качестве направления развития от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Сама идея прогресса возникла в Античности (Платон, Аристотель), однако периодом ее интенсивной разработки и наибольшей актуализации необходимо все же считать длительное Средневековье с фундаментальной концепцией Провидения.

Позже, в Новое и Новейшее время, добавились такие показатели, как принцип эволюции (возрастающая сложность различного рода систем); дифференциация и автономизация различных общественных структур и их функций, идея постепенного освобождения человечества от социального невежества и страха; тенденция роста знания и развития производства; концепция социальной интеграции, солидарности и организованного сотрудничества; требования широкого и доступного использования основных гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав человека...

Иначе говоря, возникло множество разнообразных теоретических критериев прогрессивности, вплоть до пресловутой и лукавой кон-

цепции зависимости человеческого счастья от научно-технического прогресса (хотя подобная точка зрения давным-давно опровергнута Жан-Жаком Руссо) или же современного представления о том, что экономический рост едва ли не автоматически ведет к улучшению качества жизни (= прогрессу). Ложность и подменно-тезисную сущность последнего взгляда хорошо продемонстрировала, в частности, Марта Нуссбаум.

В современных масштабных проектах изучения динамики развития обществ, т.е. по сути исследования прогрессивности/регрессивности, проводимых, в частности, ООН, используется до полутора сотен индикаторов-показателей, начиная с таких количественных и «объективных», как ВВП страны на душу населения, производство основных продуктов питания и их потребление, уровень безработицы и загрязнение окружающей среды, эффективность систем здравоохранения и социального обеспечения, динамика преступности и доступность образования и заканчивая совсем уж, казалось бы, «субъективными» и психологически за мерами вроде «суммы довольства/недовольства». Все эти индикаторы-реперы должны показать уровень социального прогресса (или регресса) и в конкретных странах, и в целых регионах мира.

Здесь необходимо отметить, что в такого рода исследованиях речь идет, прежде всего, о *количественных* социально-экономических показателях уровня жизни, которые представляют собою демонстрацию одних лишь *средств человеческого существования*. Однако в настоящее время, как подчеркивают многие исследователи, такие как Нобелевский лауреат по экономике Амартия Сен, философ Марта Нуссбаум, экономист и социолог Ричард Флорида, дескрипция и оценка социального прогресса должны строиться (в первую очередь) вовсе не на показателях экономического роста, а, скорее, на таких, казалось бы, зыбких основаниях, как *всеобщее и устойчивое благосостояние и счастье* всех людей.

Соответственно различные общества должны и будут эволюционировать от *потребительского* образа жизни, характерного для конца XX в., и разрушенного мировым кризисом 2008 г., к такому социальному устройству, которое будет способствовать раскрытию наших талантов, индивидуальности, творческого потенциала и, следовательно, реализации всех наших продуктивных и социально желательных потенциальных возможностей.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что социально-экономические индикаторы могут иметь лишь весьма косвенное отношение к подлинным реалиям «живой человеческой жизни». Наконец, они никак

не могут быть приняты в качестве *философских* критериев социального и правового прогресса.

В конце концов становится понятно, что сама идея прогресса, как и термин для ее обозначения, выступают в истории человечества в образе чрезвычайно мощной аллегории или метафоры для обозначения *сугубо позитивных изменений базовых условий человеческого существования*. Такой первоначально общий и широкий подход к пониманию сущности прогресса позволяет, на мой взгляд, если и не «схватить» тематизируемое понятие, то, во всяком случае, приблизиться к цели. Каким же образом?

Когда мы говорим или о социальном прогрессе вообще, или о партикулярных (частных) «прогрессах», мы как раз подразумеваем, что либо в обществе в целом, либо в какой-либо из его сфер происходят исключительно позитивные изменения. Однако к настоящему времени прекрасно известно, что не существует никакого позитивного развития без присутствия *негативных* сторон. Никакой «прогресс» не может не иметь негативных последствий. Более того, некоторые социальные процессы, которые мы склонны определять как прогрессивные, не только включают в себя отрицательные аспекты, но представляют собою пресловутую и крайне опасную «палку о двух концах», в отношении которой в принципе невозможно предсказать: каких результатов ее действия в течение какого-то времени обнаружится больше — позитивных или негативных.

Так, например, безответственная, преступная и близорукая эйфория в отношении так называемого научно-технического прогресса, длящаяся в Европе по меньшей мере два века, — наглядное тому подтверждение. Уже сейчас очевидно, что, если что-то и приведет человечество в обозримое время к полному самоуничтожению, то этим «что-то» будет как раз «научно-технический прогресс» и безудержное, едва ли не «наркотическое», потребление «научно-технических благ»: антропо-техногенная деятельность производит необратимые и смертельно опасные изменения не только в масштабах Земли, но и в том регионе Солнечной системы, в котором мы находимся. Тем самым «научно-технический прогресс» уже поставил человечество на грань выживания.

Так или иначе, в настоящий момент человечество уже осознало, что, во-первых, прогресс не может быть социальной закономерностью (низкий поклон Конту и Спенсеру!), во-вторых, распространяется он не на все области социальной жизни, в-третьих, результаты «частных» прогрессов бывают только противоречивыми, «дилемматичными», неоднозначными... Как же можно отыскать основание для критериев прогресса, в частности, для правового прогресса?

В подобной ситуации возникает понимание, что в качестве возможного философского критерия прогресса необходимо отыскать такой вид позитивных социальных трансформаций (если это возможно!), который не обладает негативными сторонами.

Если для нахождения подобных изменений применить широко распространенный в методологии естественных и гуманитарных наук *мысленный эксперимент*, то мы обоснованным и закономерным образом придем к чрезвычайно важному и фундаментальному выводу: коль скоро мы понимаем абстрактный прогресс как движение вперед, как сугубо позитивное изменение, как движение от низшего и менее совершенного к высшему и более совершенному, как такое достижение, которое *не имеет негативных обратных сторон*, то при всех этих условиях прогресс может быть *только моральным*.

Выражусь иначе: если придерживаться точного словоупотребления, т.е. адекватно и ответственно использовать термин «прогресс» (как он определен выше), то с необходимостью следует заключить: *прогресс может существовать только в моральной сфере*. Прогресс как таковой, прогресс *per se* может быть только моральным и никаким другим! Это означает, что предикатом всеобщности и универсальности может обладать лишь моральный прогресс.

Собственно, эта установка на однозначный приоритет в человеческой жизни моральных интенций и критериев, морального первоначала известна давным-давно и выражена в многочисленных памятниках мудрости — в частности, в таком: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7:13-14).

Все остальные виды так называемого «прогресса» (физический, материальный, финансовый, социально-экономический, научный и научно-технический, социально-политический, социокультурный и т.д. и т.п.) суть лишь *относительные*, зачастую крайне сомнительные «прогрессы», или эрзац-прогрессы, псевдо-прогрессы, опасная совокупность «палок о двух концах», которые неизвестно когда и по чему ударят и к чему в итоге приведут. Но то, что ударят — это известно (по опыту) точно. Не вызывает сомнения, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек»; и подобного рода громко и широко заявленные «прогрессы о двух концах» представляют собою не что иное, как *иллюзии* (опасные иллюзии!), которые служат для самообмана человечества в том случае, если в обществе не существует подлинного морального прогресса.

В тех ситуациях, когда мы, тем не менее, говорим о каких-то партикулярных прогрессах (включая сюда и правовой), необходимо руко-

водствоваться следующим принципом: *тот или иной частный прогресс может с той или иной степенью условности именоваться таковым лишь в том случае, если его базовые характеристики, показатели и критерии соответствуют моральным ценностям.*

Стало быть, главным индикатором и основанием для квалификации, оценки и классификации любого (позитивного) достижения в любой сфере жизни общества могут быть исключительно *моральные ценности.*

Фундаментальные ценности и потенциальные возможности

Само собою разумеется, что рассматриваемый здесь правовой прогресс невозможен без морального, более того — основывается на последнем. Например, если мы обратимся к (позитивной) правовой установке «нельзя нарушать закон», то в результате недолгого размышления обнаружим, что эта *максима* является в своей сущности не юридической, а, прежде всего, моральной. Ибо она может исходить только из уважения к закону как ценности, следовательно, эта установка, а точнее — *убеждение*, является в первую очередь нравственным и относится, скорее, к моральной аксиологии, а не юриспруденции непосредственно.

Ради экспликации основных философских критериев правового прогресса из всей совокупности моральных (морально-правовых) ценностей следует обратить внимание прежде всего на фундаментальные: *свободу и справедливость.*

Фундаментальная ценность свободы. В такой ответственной ситуации выбора индикаторов свободу надо понимать не только как свободу воли, свободу выбора, самоволие, автономию, самообладание, доброволье и самопринуждение (следование моральным ценностям и долгу, «ответственность перед...» и «ответственность за...»)... К числу обязательных характеристик свободы, — как прекрасно показал Амартия Сен, — относятся также и другие немаловажные ипостаси: *свобода как возможность и свобода как процесс выбора.*

Вполне очевидно, что больший уровень свободы в обществе дает гораздо больше *потенциальных возможностей* для (скажем абстрактно) социальных действий, взаимодействий и отношений. Возрастание такого ареала потенциальных возможностей существенно повышает степень адаптации и интеграции внутри общества, расширяет социальные и индивидуальные способности достижения значимых целей, укрепляет доминирующие в социуме ценности и базовые нормы. Вообще понятие *возможности* тесно коррелируется и служит практическим выражением *потенциальности*, т.е. фундаментального качества, присущего свободе как таковой.

Свобода, рассмотренная с точки зрения процесса выбора целей (состояния, конкретного действия, сферы деятельности, жизни в целом и т.д.), характеризует человеческое существование как широкую область *потенциальных сценариев*. Само возникновение таких альтернативных сценариев жизни и, соответственно, возможность нашего *самостоятельного* выбора из них, безусловно, могут рассматриваться как определенного рода *социальный прогресс*, ибо универсальный критерий *многовариантности* давно и прочно занимает свое место среди индикаторов позитивных изменений (в том числе и в обществе).

Стало быть, свободу (помимо указанных выше точек зрения) необходимо тематизировать как (а) основание для возникновения *потенциальных возможностей*, роста их числа и человеческой способности их реализации, а также как (б) самостоятельный, неподотчетный и рационально обоснованный выбор из альтернативных сценариев действия, состояния или деятельности. В этом случае важно знать, *каким именно образом* осуществляется выбор: *принудительно*, или *безвариантно*, или же *многовариантно*.

Ценность свободы как раз и заключается в том, что она обладает «множественностью беспристрастных оснований» (говоря словами А. Сена), и, следовательно, допускает явную или неявную аргументацию мотивов действий, которую мы способны отстоять как перед лицом внешней критики, так и перед собственной критической рефлексией, осуществляемой с полной серьезностью. Таким образом, свобода, базирующаяся на «множественности беспристрастных оснований», и мотивы социальных действий, которые она фундирует своими аргументами, проходят независимую проверку в ходе «общественного дискурса», открытого диалога, который (обязательное требование!) непременно должен строиться по правилам *«идеальной речевой ситуации»*, прекрасно сформулированной когда-то Юргеном Хабермасом.

Важно также помнить, что современная *теория рационального выбора* далеко ушла от основоположений Адама Смита и вовсе не сфокусирована на личной выгоде как единственно рациональном мотиве действия, а сегодняшние представления о социальном прогрессе не ориентируются на одно лишь материальное присвоение, к чему стремились ныне устаревшие «потребительские общества» конца XX в. И теория рационального выбора, и концепция частных прогрессов допускают существенные расширения, а именно: включают в себя интересы других людей, моральные обязательства, совесть как важнейший регулятор деятельности (впрочем, со времен Адама Смита), симпатию или общественную полезность в качестве показателей *качества жизни*.

Кроме того, для современного креативного класса характерны такие критерии улучшения качества жизни, как степень реализации потенциальных возможностей, чувство сопричастности позитивным социальным переменам, поиск неразработанных сфер претворения возможностей, бурное развитие самотворческих и нестандартных социокультурных способов деятельности, по сути – формирование актуальной (и, быть может, автономной) социальной реальности, а также активный поиск новых впечатлений, инспирирующих саму креативность и т.п. На все эти показатели должно ориентироваться действительное законодательство, если оно желает учитывать реалии современности, а не оставаться всего лишь «прокрустовым ложем», «испанским сапогом» или «приватизированным дышлом» для нынешней социальной жизни.

Итак, акцентировав именно эти две ипостаси свободы (свобода как возможность и свобода как процесс выбора), мы с большими основаниями можем использовать данную фундаментальную ценность в качестве показателя морального и правового прогресса. Выбор критерия потенциальных возможностей, оценка социальной действительности (или ее фрагмента) под углом зрения не только *свободы-достижения*, но и свободы как широкого *набора возможностей*, альтернативных сценариев, в принципе осуществимых, способных к реализации, – все это дает нам основание для эффективного конструирования индикаторов правового прогресса.

Кроме того, хочу (к месту!) также добавить: свобода, несмотря на различные нападки, была и остается, наряду со справедливостью, фундаментальной ценностью права, а также правосознания и, безусловно, позитивного права (закона). Встречающиеся попытки объявить базовой ценностью права *«несвободу»* представляют собою не более, чем инспирированный давно отжившей идеологией «диалектический взаимопереход категорий», а по сути – «диалектические языковые игрища» (не путать с «языковыми играми» Л. Витгенштейна!), в ходе которых (ради политических целей) можно доказать все, что угодно и наглядно продемонстрировать, что: $(A \wedge \neg A)$. Однако никакая подобного рода «диалектика» (= словоблудие) или «политическая целесообразность» не способны умалить морально-правовой ценности свободы.

Фундаментальная ценность справедливости. Аналогичным образом необходимо рассматривать справедливость во всей полноте ее сложносочетаемых предикатов. Справедливость, с одной стороны, безусловно, представляет собою *равенство*: (а) антропологическое равенство людей как представителей человеческого рода, обладающих единым для всех статусом «человек»; (b) идущее от Аристотеля

коммукативное равенство индивидов как добровольный отказ от какого бы то ни было преимущества в отношении других лиц, также имеющих личные права и интересы; (с) правовое равенство граждан государства, имеющих одинаковые юридически закрепленные права и свободы; (d) равенство граждан перед законом (= равенство в юридической ответственности).

С другой стороны, несомненно, что та же справедливость есть не что иное, как *неравенство*: (a)данное от природы (т.е. неустранимое) физическое, психическое, интеллектуальное неравенство индивидов, неизбежно обуславливающее их дальнейший неравный общественный статус; (b) справедливое неравенство воздаяния в зависимости от заслуг (вклада), т.е. дистрибутивная справедливость.

Помимо этого, справедливость необходимо рассматривать как: (a) честность; (b) добродетель общественных институтов; (с) социальную обязанность.

В целом, надо сказать, что *справедливость* представляет собою *априорное чувство-понятие*, которое не нуждается в специальном и усердном культивировании: оно дано нам от рождения, хотя, конечно же, не в столь развитом виде и стереоскопическом понимании, как у взрослого и полностью социализированного человека. В качестве подобного «чувственного понятия» («конкретного понятия») справедливость вполне сопоставима с другими чувственными восприятиями («чувствами»), а также и с другими априорными понятиями, например, с концептом *причинности*, с помощью которых мы «схватываем» и понимаем окружающий мир.

Чувственные ощущения и восприятия целиком зависят от синтетической деятельности рассудка, которая создает (конструирует) чувственные образы, присваивает этим образам имена (процесс концептуализации), и включает новые имена-понятия в систему категорий, описывающих ту или иную предметную область. Короче говоря, без рассудочно-разумной деятельности чувственные восприятия («чувства») почти что ничего не значат для нас, ибо в качестве «сырого материала чувственного ощущения» они не дают никакого понимания. Свое значение чувства приобретают только на этапе «рассуждения» (как называют этот процесс со времен Античности).

Любому чувству, в том числе и справедливости, необходимо «рассуждение», включающее в себя уже упомянутый (a) процесс *концептуализации* (образования понятия), (b) составление *высказывания*, (с) конструирование *умозаключения*, представляющего собою достаточно развитый этап познавательной деятельности, полностью определяющий исходное понятие, и, наконец, (d) включение умозаключений в *теорию* (или формулировка теории из умозаключений).

Именно таким образом во все времена создаются *теории справедливости*. Особенностью этих теорий является то, что они не просто описывают некий феномен. Реальное чувство справедливости дает нам определенного рода сигнал, представляющий собою *одновременно* (!) и *описание* некоторого факта, и его моральную *оценку* (коль скоро справедливость является моральным чувством). Стало быть, теория справедливости не только дает описание сущности этого феномена и образа справедливого общества, но изначально должна быть ориентирована на практическое применение и, значит, включать в себя критерии *оценки* и *сравнения* для тех ситуаций, которые в принципе (по сущности своей) подлежат *моральному* суждению.

Мы говорим: «Нельзя нарушать закон». Но такое *убеждение* может выработаться и, стало быть, действовать в качестве мотива только в том случае, если граждане (гражданское общество) относятся к закону как легитимному (одобряемому) институту, каковой базируется не на одном лишь государственном принуждении и который основывается как на главной юридической ценности — *справедливости*, но также и содержит в себе одну из важнейших *спецификаций* коммутативной справедливости, а именно — является *гуманным* по своему содержанию и присущим ему формальным процедурам.

Следовательно, для правового прогресса необходимо наличие гражданского общества, которое в той или иной форме осуществляет свою собственную юридическую экспертизу существующего законодательства. Законодателям эта экспертиза также крайне необходима, так как является, пожалуй, единственным незамутненным корпоративным высокомерием и «профессиональным идиотизмом» взглядом со стороны. Само это словосочетание «взгляд со стороны» — безусловно, метафора, ибо законы как раз для того и существуют, чтобы регулировать жизнь самого гражданского общества, и государство выступает здесь всего лишь в качестве наемного профессионального управляющего, менеджера высшего уровня. Таким образом, «взгляд со стороны» — это, по сути, взгляд гражданского общества на законодательство изнутри, но только не в качестве непосредственного законодателя, а в качестве носителя самого критерия законодательства, его ценностной основы — *права*.

Кроме того, следует отметить, что точно также, как и в рассмотренном выше случае с определением критериев свободы, тематизация справедливости/несправедливости может и должна опираться на понятия (и социальный феномен) «потенциальные возможности» и «потенциальные сценарии».

Выше я уже отмечал, что возрастающий уровень свободы напрямую влечет за собою и рост потенциальных возможностей, что выра-

жается в создании широкой области (принципиально) осуществимых возможностей, или потенциальных сценариев — как отдельного социального действия, так и жизни в целом. Однако расширение поля возможностей и потенциальных сценариев в социальной жизни приводит (как отмечалось) не только к мультипликационному эффекту и «обратной связи», заключающимся в том, что в результате этого уровень сво повышается, но и к увеличению степени справедливости. Именно здесь находится средоточие всех трех составляющих: увеличения и повышения уровня свободы, потенциальных возможностей и справедливости.

Философские критерии правового прогресса

Как свобода, так и справедливость — и каждая со множественностью своих беспристрастных оснований — делают возможной ситуацию резкого увеличения, даже мультиплицирования возможностей. Возрастание как уровня свободы, так и уровня справедливости в значительной степени осуществляется правовым (законодательным) путем. Отсюда ясно: если мы, руководствуясь ценностями свободы и справедливости, закладываем в нормативную базу общества (и прежде всего — в закон) конкретные императивы свободы и справедливости, то вот здесь как раз и возникает мультипликационный эффект: свобода и справедливость *в нормах* (законе) порождают свободу и справедливость *в возможностях*, а последние расширяют вновь *нормативную базу* свободы и справедливости. В таком случае *правовой прогресс* — как он видится в первом приближении — выглядит как совокупность законодательных действий (= законодательный процесс), которые повышают уровень свободы и справедливости.

Итак, **правовой прогресс** (с философской, а не юридической точки зрения) — это, в первую очередь, существенное и перманентное возрастание степени морально-правовой свободы и справедливости на основе ценностей права, регулятивных и конститутивных норм, при помощи юридических агентов, инструментов и процедур, а также расширение социальных полей потенциальных возможностей, в которых как раз воплощаются и пересекаются свобода и справедливость.

Отсюда следует: *возрастание уровней (или степени, объема) свободы и справедливости, расширение всей совокупности потенциальных возможностей — таковы главные философские критерии для оценки правовой реальности.*

* * *

В таком случае можно назвать фундаментальные принципы, ценностные императивы действия, реализация которых может рас-

сма­тривать­ся как суще­ствен­ное позитив­ное измене­ние в социаль­ной и юри­диче­ской сфе­рах. Стало быть, имен­но их можно рас­сма­тривать в каче­стве социаль­но-фило­софских кри­те­риев пра­вого про­гресса.

1. Стро­гое и неуклон­ное разли­чие *пра­ва* (как цен­ностно-норматив­ной систе­мы) и *за­кона* (как систе­мы фор­мализованных и офи­циально принятых норм и полномо­чий). Решитель­ный отказ от социаль­но опас­ного и деструк­тив­ного легист­ского позитивизма, извращающего су­щность и пра­ва, и за­кона, а также при­роду взаи­моотношений инди­вида (общества) и политичес­кой власти (госу­дарства). Не­об­ходимо такое же решитель­ное искоренение во всех сфе­рах общественной жизни мно­гочис­ленных проявлений этого сер­вильного э­та­тистского (легистского) позитивизма, его полная элиминация.

Уже Гоббс по­нимал важ­ность разли­чения между пра­вом и за­коном: часто путают *jus* и *lex* — пра­во и за­кон, — но это совершенно недо­пустимо, по­сколь­ку пра­во состо­ит в свободе де­лать или не де­лать, между тем как за­кон опре­деляет и обя­зывает к тому или ино­му обра­зу де­ла­ния, как Джон Локк сфор­му­лировал есте­ствен­ные и неотчуждаемые («дан­ные Богом») пра­ва че­ловека (в первую оче­редь) на *жизнь, свободу и соб­ствен­ность*, — при фунда­ментальном при­оритете пра­ва соб­ствен­ности (ибо и жизнь, и свобода — лишь раз­но­видности соб­ствен­ности), — имен­но с этого вре­мени *пра­во*, в отличие от *за­кона*, стало по­нимать­ся в Евро­пе как цен­ностно-норматив­ная систе­ма, состо­ящая из моральных и пра­вых прин­ципов — пре­жде всего! — *справедливости, свободы, равенства* (а имен­но: (а) равенства перед за­коном и (б) антро­пологического равенства лю­дей как пред­ставителей че­ловеческого рода), а также из со­вокупности всех *бого­данных* пра­в и свобод че­ловека.

Пра­во, стало быть, пред­став­ляет со­бою морально-пра­вовую цен­ностную (аксиологическую) и нор­мативную систе­му, на основе прин­ципов ко­торой стро­ится разветв­ленная и стро­го органи­зованная систе­ма фор­мализованных и офи­циально принятых норм и полномо­чий, т.е. за­кон, за­коно­дательство.

2. Дей­стви­тельное раз­деле­ние и отно­ситель­ная авто­номия вет­вей и уров­ней власти. Ре­альная, а не мнимая не­зависимость за­коно­датель­ной и су­дебной вла­стей от испол­нитель­ной.

3. Воз­растание сте­пени сво­боды и авто­номии лич­ности. За­кон может огра­ни­чивать сво­боду и в итоге соз­да­вать несво­боду лишь в той сте­пени, в ко­торой она не­об­ходима, чтобы не нару­шать сво­боду дру­гого.

4. Создание широкого поля потенциальных возможностей при помощи юридических (прежде всего – законодательных) средств. Ориентация законодательных и других юридически ответственных государственных органов на достижение общественной свободы, представляющей собою богатейший ареал потенциальных сценариев.

5. Соблюдение принципа справедливости как фундаментальной ценности морали, права и всей юридической области.

6. Гуманизация права и возрастание роли моральных ценностей и норм при оценке и законодательства, и социальной действительности. Реальное культивирование морали, права и закона во всей юридической области и социальной жизни в целом.

7. Выработка новой функции права и законодательства: и то, и другое становятся условиями и реальными механизмами общественного консенсуса и социального порядка.

8. Законодательство должно эффективно препятствовать узурпации власти и злоупотреблению ею.

9. Реальный и жесткий контроль гражданского общества (которое в России только еще предстоит создать) за деятельностью всех ветвей власти. Необходимо должны присутствовать в нашей жизни общественные (гражданские) структуры, организации, которые будут осуществлять экспертизу законодательной и любой другой нормативной деятельности государства и органов местного самоуправления. Это требование означает, что общество (гражданское общество) обязано и вынуждено (в целях самосохранения) защищать и оберегать право как ценностно-нормативную систему, представляющую собою фундамент как всей социальной жизни, так и законодательства.

10. Реальная свобода слова (мысли) и всей сферы массовой коммуникации.

11. Постоянное исправление (или отмена) не прошедших общественной легитимации законов.

12. Непрерывный (перманентный) логико-лингвистический анализ и «лингвистическая терапия» всего юридического языка. Его освобождение от мрачного и тяжелого марксистского наследия, от анахронизмов и вульгаризмов (типа понятий «объективная истина», или так называемой «теории отражения», или «науки» диалектики, или чудовищного представления о праве как некой «надстройке», колеблющейся на неведомом «базисе»).

Это – философские, а не сугубо юридические критерии правового прогресса (каковые также существуют, например, развитие коллизионного права). Безусловно, эти принципы нуждаются в уточнении и дополнении.

**FREEDOM AND POTENTIAL OPPORTUNITIES.
ESSAY ON LEGAL PROGRESS**

V.E. SEMYONOV

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Summary

The article attempts to explicate the philosophical foundations and criteria for legal progress. The author believes that legal progress is, first of all, a substantial and permanent increase in the degree of moral and legal freedom and justice based on the values of law, regulatory and constitutive norms, with the help of legal agents, tools and procedures, and also the expansion of social fields of potential opportunities, in which freedom and justice are embodied and intersected. Freedom and justice make possible the situation of a sharp increase in potential opportunities. The growth of both the levels of freedom and justice is to a large extent carried out by a legal (legislative) path. Therefore, if we, guided by the values of freedom and justice, lay the specific imperatives of freedom and justice in the regulatory framework of society, then here is just the multiplier effect: freedom and justice in norms (law) generate freedom and justice in potential opportunities, and the last expand again the normative basis of freedom and justice. In this case, legal progress looks like a combination of legislative actions that increase the level of freedom and justice. So, the increase in the levels of freedom and justice, the expansion of the totality of the potential opportunities – these are the main philosophical criteria for assessing legal reality.

Keywords: moral progress, legal progress, fundamental values of freedom and justice, potential opportunities, elimination of etatist positivism.

Semyonov, Valeriy – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Kutafin Moscow State Law University.

vesemenov7@mail.ru

Citation: *SEMYONOV V.E.* (2017) Freedom and Potential Opportunities. Essay on Legal Progress. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 91-110.